

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Мы продолжаем публикацию материалов, посвященных культурному наследию полиэтничного региона. В настоящем разделе публикуются материалы в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. проекта Астраханского государственного университета «Проблемы сохранения культурного наследия в полиэтничном регионе» (02.740.11.0593). Данный проект призван восполнить утраченное, возродить надежду на сохранение связующей нити между настоящим и прошлым.

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ НЕОЯЗЫЧЕСТВА КАК СТРАТЕГИЯ ЛЕГИТИМАЦИИ НОВОЙ ЭЛИТЫ

А.А. Саракаева
(Россия, г. Астрахань)

Аннотация. Рассмотрен один из двух основных культуuroобразующих мифов современного западного неоязычества – миф о матриархате и культе Великой Богини как изначальных универсальных формах социальной организации и религии соответственно. Предпринята попытка объяснить как значимость истории для неоязыческой идеологии, так и ее принципиальный антиисторизм.

Annotation. The article deals with one of the two cultural backbone myths of the contemporary Western Neopaganism – the myth of matriarchy and the cult of the Great Goddess as the original and universal forms of social organization and religion respectively. An attempt is made to explain both the importance of history for the Neopagan ideology and its principal ahistoricism.

Ключевые слова: неоязычество, историческая мифология, легитимация, матриархат, антиисторизм, «ужас истории».

Key words: neopaganism, historical mythos, legitimation, matriarchy, ahistoricism, «the terror of history».

На рубеже II и III тысячелетий в современных обществах Запада, в частности в США, появляются и распространяются так называемые нетрадиционные религии. Одна из них – неоязычество, поклонение древним языческим богам Европы или произвольно сконструированным синкретическим пантеонам. Это сложное религиозно-мировоззренческое и социально-психологическое явление сочетает в себе стремление как к эгалитарности, так и к элитарности. Отвергая идеи авторитета, иерархии, власти,

осуществляемой над человеком извне, неоязычники, тем не менее, самих себя позиционируют как новую элиту, сообщество свободных, креативных, духовно талантливых людей, призванных восстановить утраченный баланс между социумом и космосом.

Как и всякая группа, претендующая на исключительность своей исторической роли, они нуждаются в легитимации, и этой цели служит специфическая социально-историческая мифология неоязычества. Она основана на теориях начала XX в., в частности, на идее Маргарет Мюррей о существовании в доисторическом прошлом матриархата и единой религии, поклонявшейся Богине, и о том, что европейское ведьмовство Средних веков и Нового времени есть продолжение и развитие этой древней религии [1, с. 12–13]. Согласно таким теориям, племена, населявшие Европу и Ближний Восток около 10 тыс. лет назад, поклонялись «Великой Богине», дарительнице жизни и плодородия, и ее сыну-любовнику – «Рогатому Богу». Общество было матрилинейным, эгалитарным, мирным и справедливым. Оно заложило основы всей восточной цивилизации. Однако потом начались нашествия патриархальных племен из восточноевропейских или северно-евроазиатских степей, и они завоевали или вытеснили миролюбивые матриархальные общности. Они навязали покоренным свою систему ценностей, но и сами усвоили некоторые элементы «Старой религии». И только установление монотеистических религий, иудаизма и христианства привело к окончательному отчуждению и демонизации адептов и наставников «Старой религии». Их стали считать слугами Сатаны и подвергать гонениям и казням. Тем не менее, жрецы и жрицы продолжали тайно передавать свои обряды и мифы. Вся христианская эпоха рассматривается как мрачное время гонений, когда церковь и государство преследовали «Старую религию» и в качестве идеологического оппонента, и за тот либерализующий потенциал, который она несла и который был смертельно опасен для этих механизмов господства и порабощения. Период ведьмовских процессов в начале Нового времени, иногда и всю христианскую эру, принято называть «Горящими временами», или «Временами сожжений». При этом в неоязыческой литературе циркулирует невероятно преувеличенная цифра: 9 миллионов сожженных ведьм [14, р. 192]. Проведенные в 80-х гг. XX в. исследования дали цифру, меньшую на несколько порядков: от 40 до 60 тыс. казненных по обвинению в колдовстве [11, р. 306, 370; 12, р. 21–27]. И лишь после отмены законов о преследовании колдовства они смогли выйти из подполья и начать действовать более или менее открыто [16, р. 67–68].

Одной из самых подробно изложенных в американском неоязычестве является историко-мифологическая концепция влиятельной писательницы и лидера религиозной общины «Риклэйминг», Звездного Ястреба, представленная в книгах «Спиральный танец» и «Правда или вызов». Если первое из названных произведений открыто излагает священную историю неоязычества как легенду, то второе заявлено как научное исследование религиозной и гендерной истории Месопотамии. Автор начинает с дошумерского периода, когда люди поклонялись Богине, олицетворяющей жизнь и смерть, а характерной особенностью социального устройства была выдающаяся роль женщин [21, р. 36]. Это утверждение основывается на том, что материальная культура этого периода, по мнению писательницы, не отражает неравенства, насилия и доминирования: нет изображений батальных сцен, нет прямых доказательств жертвоприношений, а скудный погребальный инвентарь не позволяет говорить о социальной стратификации и имущественном расслоении. Но и последующую, шумерскую, эпоху Звездный Ястреб описывает в терминах гендерного равенства. Она полагает, что литература, образование, наука и делопроизводство в Древнем Шумере были посвящены Богине, и, следовательно, за женщинами сохранялся статус писцов, ученых и поэтов [21, р. 39]. Обращаясь к шумерским мифам, автор делает из них вывод о том, что древнее общество сакрализовало эротические отношения сами по себе, а не в качестве доказательства мужской способности покорять и контролировать и женской возможности зачинать и рождать [21, р. 45].

Затем изначальный социальный порядок, гармонизировавший общество с природой, был нарушен, и на смену «естественной культуре» пришли культуры «неестественные». В двух своих книгах Звездный Ястреб приводит две разные версии того,

как же совершился этот переход. В «Спиральном танце» она утверждает, что миролюбивые и процветающие неолитические цивилизации Европы и Ближнего Востока, не знакомые с феноменом войны, были с легкостью завоеваны агрессивными иноземцами, поклонявшимися маскулинным богам войны и грома. «Люди Богини» оказались подчинены или вытеснены «из плодородных низин и прекрасных храмов в холмы и высокогорья, где они стали известны как... феи» [20, р. 4]. Однако такая версия общественной эволюции не отвечает на главный вопрос: почему и каким образом вообще развилось патриархальное социальное устройство, если власть жриц и матерей настолько органична и благотворна для человечества? Теория завоевания просто выносит возникновение патриархата за рамки изучаемого ареала.

Возможно, по этой причине в своей следующей историко-мифологической конструкции Звездный Ястреб отвергла теорию завоевания и предположила, что общество деградировало изнутри. Решающий сдвиг в эту сторону, по ее мнению, произошел тогда, когда цари отказались уступать свою власть после одного года правления и сумели сделать ее пожизненной. Чтобы обезопасить себя от возможной оппозиции со стороны жречества, возглавлявшегося верховной жрицей, цари стали продвигать на эту должность своих дочерей. Снизившееся и зависимое от светской власти положение верховной жрицы помогло укрепиться не только царям, но и мужскому священству. Узурпация лидирующих позиций в обществе мужчинами повлекла за собой более агрессивную внешнюю политику и войны, и в результате у мужчин стала складываться собственная система ценностей, в которой высокое место заняли сила, отвага и дисциплина, а любовь к женщине оказалась вытеснена преданностью другим мужчинам – товарищам по оружию. А отношения между полами свелись к удовлетворению физиологических потребностей и выполнению прокреативной функции [21, р. 49–50].

Другие неоязыческие авторы, преимущественно представители различных течений духовного феминизма, говоря о причинах сдвига общественного устройства и идеологии к воинственно-патриархальным, упоминают такие факторы, как: 1) природные бедствия, сделавшие выживание сложнее и повысившие значимость физической силы; 2) обнаружение роли мужчины в зачатии, что подвигло мужчин к захвату власти с целью контролировать сексуальную активность женщин и тем самым обеспечить собственное отцовство; 3) инопланетное вторжение [8, р. 285].

Вслед за сменой семейно-общественной конфигурации и системы ценностей меняются религиозные представления и практики. Именно к этому моменту, то есть к рубежу неолита и бронзового века, Звездный Ястреб относит появление жертвоприношений, зримо свидетельствующих о возникновении чувства дистанции между миром богов и миром людей, и о подчинении людей богам и обожествленным правителям [21, р. 47].

Еще более существенно то, что патриархат сформировал собственную теологию, основанную не на имманентности, а на отчуждении, на выделении и противопоставлении пар понятий (душа – тело, разум – эмоции, небо – земля, культура – природа, мужчина – женщина и т.д.), одно из которых выше другого и должно подчинять и ограничивать низшее [19, р. 6, 19; 20, р. 196].

Однако, как и любая священная история, социальная мифология неоязычества содержит не только хронику грехопадения человечества, но и будущие обетования. Футурология неоязычества обещает человечеству спасение от войн, социального и расового неравенства, ненависти, бедности и экологического кризиса на пути восстановления «Старой религии». Если люди откажутся от монотеизма и связанного с ним агрессивно-контролирующего менталитета и признают, что божественная сила феминна по сути и имманентна этому миру, то первобытная гармония установится вновь [16, р. 84–88].

Интересно, что под пером язычников-мужчин, не принадлежащим к феминистским группам, грядущая гармонизация человеческого общества предстает событием не столько гендерного, сколько экологического порядка. Этому вопросу, например, посвящено открытое письмо Дж. М. Грира, главы Древнего Ордена Друидов Америки, под заголовком «Друиды и будущее». Он предсказывает: «Когда жизненные

стандарты снизятся (в результате наступившей энергетической и экологической катастрофы – А. С.), ... тогда людям придется удовлетворять свои собственные потребности и заботиться о других так, как современный мир разучился уже более века назад. И вот тут-то сообщество друидов и получит невероятную возможность... «формировать будущее деиндустриализованного мира». Дело в том, что уже сейчас «многие друиды... выращивают пищу, делают вещи, излечивают болезни и строят сообщество в гармонии с циклами природы и не зависят от использования стремительно уменьшающихся запасов топлива. Каждый друид, который так поступает, ... помогает построить мост в будущее».

Исторические конструкции неоязычников строятся на достаточно вольном обращении с источниками. Большая часть фактов, которыми они оперируют, относится к древним обществам Ближнего Востока и Средиземноморья, что не мешает авторам экстраполировать свои заключения на все человечество в целом [5, p. 53]. Наиболее убедительным доказательством существования матриархата и религии Богини неоязыческие феминистки считают археологические находки женских фигурок, в культурных слоях каменного века [10, p. 12]. Другие доказательства строятся на изучении мифологии того же ближневосточно-средиземноморского региона, в котором присутствуют сюжеты о матери богов и ее потомке или супруге, лишившем ее власти. Наиболее цитируемым является миф о Мардуке и Тиамат. Неоязычники интерпретируют эти мифы как иносказательные описания земных конфликтов и узурпации власти матриархов мужчинами [6, p. 76].

Дополнительные свидетельства бытования религии Богини неоязычники извлекают из Ветхого Завета. С их точки зрения, ветхозаветные тексты содержат глухие упоминания о могущественных жрицах. Одной из таких жриц считают библейскую Девору. Согласно языческой интерпретации, Библия называет ее пророчицей и судьей Израиля, чтобы скрыть тот факт, что она была «Царицей-пчелой», правящим матриархом. К тому же сами многократно повторяемые предупреждения и инвективы пророков против языческих обычаев интерпретируются неоязыческими авторами как письменная фиксация патриархальной революции, подавляющей, проклинающей и демонизирующей своего идеологического конкурента – религию жриц-матриархов [22, p. 151].

Чаще всего для своих исторических конструкций неоязычники используют труды ограниченного круга профессиональных историков. Например, Звездный Ястреб, несмотря на попытку представить «Правду или вызов» как полноценное историко-религиоведческое исследование, избегает научной дискуссии и рассмотрения противоположных гипотез и ссылается только на тех ученых, с кем она согласна: Герду Лернер, Самюэля Крамера, Марию Гимбутас и некоторых других [21, p. 15, 19, 74, 88].

Получившаяся теория настолько произвольна, что вызывает возражения даже у симпатизирующих неоязычеству ученых и у самих язычников. Синтия Эллер критикует ее, говоря, что женские фигурки каменного века совсем не обязательно изображают богинь, а просто женщин-матерей; что мифы нельзя читать как буквальное отображение исторических событий; что существование религии, поклонявшейся единой Богине, не подтверждается фактами, а концепт моногамной пары Богини и Бога чужд менталитету древних культур и представляет собой проекцию современных воззрений на романтическую любовь [9, p. 15–23].

Джоун Саломонсен, наблюдатель и участница ритуалов «Риклэйминга», считает самым уязвимым место построений Звездного Ястреба ее морализующий пафос. Доисторические языческие общества, о которых нам почти ничего не известно, априори описаны как гармоничные и справедливые. Древние цивилизации Греции и Рима оцениваются уже значительно ниже, так как они несут заряд милитаризма и патриархальности. А христианское общество – это воплощение всего мыслимого зла, поскольку оно создало негативный образ ведьмы и стало преследовать адептов «Старой религии» [16, p. 89].

Между тем, как утверждают профессиональные исследователи этого вопроса, образ ведьмы возник еще до возникновения христианства или монотеизма вообще. Напротив, христианская церковь долгое время отвергала веру в колдовство как суе-

верие и налагала на кающихся колдунов епитимии не за причинение ущерба другим людям с помощью магии, а только за вред, наносимый собственной душе ведьмы [16, p. 25]. Также неверно и предположение, что ведьмы – изобретение исключительно Европы, поскольку языческие народы Африки, Азии и Америки тоже верили в колдовство и преследовали, а иногда и казнили колдунов [17, p. 124, 143].

Более того, согласно наблюдению фольклориста Сабины Малиокко, большинство неоязычников и ведьм признают, что «два их важнейших священных нарратива – о палеолитическом происхождении и о чудовищных преследованиях во Времена Сожжений, являются скорее эмоциональными мифами, чем историческими фактами» [13, p. 194].

Таким образом, социальная мифология неоязычества содержит глубокое внутреннее противоречие. С одной стороны, она характеризуется постоянными попытками встроить свою традицию в религиозную историю человечества. С другой – она отличается антиисторизмом, то есть пренебрежением к принятым методам научного исследования, к добросовестному анализу источников, к разнообразию и различиям локальных культур, исторических эпох и свойственных им типов менталитета. Если факты не позволяют использовать историю как средство легитимации неоязычества, то встает вопрос, почему американские неоязычники вообще не отказываются от этого средства; почему история, представляющая так мало доказательств правоты неоязычества, тем не менее, настолько важна для данной религиозно-культурной группы?

С нашей точки зрения, два культуuroобразующих мифа неоязычества выполняют собственную функцию. Версия о 9 миллионах жертв охоты на ведьм позволяет неоязычникам претендовать на титул самой дискриминируемой группы в истории, то есть обеспечивает почетный и удобный в современном американском обществе статус жертвы, тогда как миф о культе Великой Богини как изначальной универсальной религии человечества и о матриархальном золотом веке особенно значим для феминистского течения внутри неоязычества.

Для религиозного феминизма важнейшей задачей является осмысление причин и происхождения гендерного неравенства. Чтобы успешно претендовать на равный статус или даже ведущие позиции в социуме, феминистские теоретики должны что-то противопоставить тому факту, что практически все известные исторические сообщества людей были основаны на патриархате и мужском доминировании. Из этого факта логически следует вывод, что власть мужчин каким-то образом морально оправдана или вне зависимости от степени ее этичности инстинктивно присуща человечеству как биологическому виду, а следовательно, не может быть упразднена. Но такой вывод абсолютно неприемлем для религиозных феминисток. Поэтому они столкнулись с необходимостью найти такое объяснение патриархату, которое не служило бы в то же время его оправданием. И именно эту задачу решает священная история неоязычества.

Она объявляет патриархат исторической аберрацией, возникшей и развившейся в ограниченном временном интервале и долженствующей в скором будущем исчезнуть. Таким образом, трагичный период мужского господства помещается в исторический контекст, где ему предшествуют и последуют бесконечные века матриархата. Следовательно, современные феминистки претендуют не на создание совершенно нового и небывалого общественного устройства, а лишь на восстановление того, что уже существовало и прошло проверку временем, а эта задача намного менее амбициозна и не носит характера революционной социальной инженерии.

Некоторые религиозные феминистки верят, что падение патриархата неизбежно [3, p. 26–27], другие придерживаются менее оптимистических воззрений, полагая, что патриархальные структуры ослаблены, но все еще невероятно сильны, и могут быть побеждены только благодаря сочетанию усилий и удачи [7, p. 8]. Но в любом случае, единственная надежда мира на спасение от всех видов диктата и от экологической катастрофы заключается в установлении власти женщин.

Феминистки предвидят возможные возражения, что власть женщин может оказаться лишь иной формой доминирования одной части человечества над другой. Поэтому для них немаловажным является обнаружение причин, по которым женщины

лучше мужчин приспособлены к выполнению регулирующих функций, не превращая при этом управление в угнетение. Одни из них говорят, что исторический опыт страданий под властью патриархов сделал женщин более чувствительными ко всем формам несправедливости: «Даже если они не могут полностью это выразить, женщины ощущают связь между собственными мучениями и ...технологическим опустошением окружающей среды или бомбежками деревень в других странах» [4, p. 17]. Другие находят, что женщины биологически лучше приспособлены к созданию мирного и гармоничного общества: «Женщины, созданные эволюцией как связь между духом и плотью, возможно, предназначены космосом повести человечество назад, к великому торжеству примирения плоти и духа» [18, p. 430].

Эта уверенность в том, что мы живем в конце времен, за которым последует решающая схватка добра и зла, а затем установится бесконечное счастье и процветание, позволяет говорить о феминистской версии неоязычества как и миллениаристской религии.

В качестве объяснительной модели, позволяющей понять внутреннюю логику и побудительные мотивы неоязыческого мифотворчества, допустимо использовать историко-философскую концепцию Мирча Элиаде. Элиаде предполагает, что реальность времени есть центральная религиозная проблема людей, решаемая двумя основными способами – архаическим и современным. Архаическое мышление отрицает идею о линейном историческом процессе, каждое событие которого уникально и не подлежит изменению, для него время есть лишь постоянное воспроизведение мифа. Для современного же менталитета событие, раз совершившись, уже не может быть исправлено, и это порождает «ужас истории». Впрочем, даже современный способ осмысления времени может быть антиисторичен: история может рассматриваться как «фрагмент между двумя безвременными вечностями» [2, p. 112]. «Ужас истории» становится легче пережить, потому что он не вечен. История сама стремится к самоуничтожению и возвращению в Золотой век.

Так структурируют историческое время духовные феминистки. Они полагают, что матриархат шел из глубины тысячелетий и мог бы продолжаться вечно, если бы природа и социум не были выведены из равновесия установлением мужского господства. Когда равновесие восстановится, история прекратится, а в обществе снова не будет никаких новшеств или прогресса и никакой необходимости в них [8, p. 290–291].

Однако «ужас истории» происходит не только от невозможности изменить прошлое, но и от того, что абсолютное большинство человечества не в силах повлиять и на ныне происходящие события. Поэтому, как подчеркивает М. Элиаде, история может быть привлекательна лишь для тех народов, чье прошлое не представляет собой цепи трагедий и катастроф [2, с. 131]. В этом смысле женщины сопоставимы с угнетенной нацией: они практически никогда не имели возможности формировать исторический процесс в соответствии со своими интересами, история содержит слишком мало событий, к которым они могли бы апеллировать для создания коллективной идентичности и собственного достоинства. Отсюда – принципиально антиисторичное прочтение событий прошлого, заложенное в саму основу неоязыческой мифологии.

Библиографический список

1. *Саммерс, М.* История колдовства [Текст] / М. Саммерс. – М., 2002.
2. *Элиаде, М.* Космос и история. Избранные работы [Текст] / М. Элиаде. – М., 1987.
3. *Budapest, Z.* Christian Feminist vs. Goddess Movement [Text] / Z. Budapest // Woman Spirit. – 1980. – № 6. – P. 25–45.
4. *Christ, C.* Diving Deep and Surfacing: Women Writers on Spiritual Quest [Text] / C. Christ. – Boston, 1980.
5. *Culpepper, E. E.* Contemporary Goddess Thealogy: A Sympathetic Critique [Text] / E. E. Culpepper // Shaping New Vision: Gender and values in American Culture. – Michigan, 1987. – P. 52–78.
6. *Daly, M.* Gyn [Text] / M. Daly // Ecology: The Metaethics of Radical Feminism. – Boston, 1978.
7. *Eisler, R.* The Chalice and the Blade: Our History, Our Future [Text] / R. Eisler. – San Francisco, 1987.
8. *Eller, C.* Relativizing the Patriarchy: the Sacred History of the Feminist Spirituality Movement [Text] // History of Religions. – 1991. – Vol. 30, № 3. – P. 279–295.

9. **Eller, C.** The Myth of Matriarchal Prehistory. Why an Invented Past Won't Give Women a Future [Text] / C. Eller. – Boston, 2000.
10. **Gimbutas, M.** The Goddesses and Gods of Old Europe, 6500–3500 B.C.: Myths and Cult Images [Text] / M. Gimbutas. – 2nd ed. – Berkley and Los Angeles : University of California Press, 1982.
11. **Hutton, R.** The Pagan Religions of the Ancient British Isles: Their Nature and Legacy [Text] / R. Hutton. – Oxford, 1991.
12. **Levack, B.** The Witch-Hunt in Early Modern Europe [Text] / B. Levack. – London, 1987.
13. **Magliocco, S.** Witching Culture: Folklore and Neo-Paganism in America [Text] / S. Magliocco. – Philadelphia, 2004.
14. **Pearson, J.** Wicca, Paganism and History: Contemporary Witchcraft and the Lancashire Witches [Text] / J. Pearson // The Lancashire Witches. Histories and Stories. – Manchester, 2002. – P. 188–203.
15. **Russel, J. B. R.** Witchcraft in the Middle Ages [Text] / J. B. R. Russel. – Ithaca, 1985.
16. **Salomonsen, J.** Enchanted Feminism. Ritual, Gender and Divinity among the Reclaiming Witches of San Francisco [Text] / J. Salomonsen. – London, 2002.
17. **Sanders, A.** A Deed Without a Name: The Witch in Society and History [Text] / A. A. Sanders. – Oxford, 1995.
18. **Sjoo, M.** The Great Cosmic Mother: Rediscovering the Religion of the Earth [Text] / M. Sjoo, B. Mor. – San Francisco, 1987.
19. **Starhawk.** Dreaming the Dark: Magic, Sex and Politics [Text] / Starhawk. – Boston, 1982.
20. **Starhawk.** The Spiral Dance. A Rebirth of the Ancient Religion of the Great Goddess [Text] / Starhawk. – 2nd ed. – San Francisco, 1989.
21. **Starhawk.** Truth or Dare: Encounters with Power, Authority and Mystery [Text] / Starhawk. – San Francisco, 1987.
22. **Stone, M.** When God Was a Woman [Text] / M. Stone. – New York, 1976.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РЕГИОНЕ

**Е.В. Савельева, С.Д. Дахин, С.Ю. Мазаева
(Россия, г. Астрахань)**

Аннотация. Освещена система анализа законодательной системы сохранения культурного наследия как на общемировом, так на федеральном и региональном уровнях. Отмечены как достижения в этой сфере за последние годы, так и продолжающиеся сохраняться проблемы, связанные с охраной нематериального культурного наследия.

Annotation. The article is devoted to the legislative system of preservation of cultural heritage on international, federal and regional levels. The article examines the achievements in this sphere for the last few years as well as nowadays problems connected with preservation of non-material spiritual cultural heritage.

Ключевые слова: культурное наследие, нематериальное культурное наследие, нематериальное культурное наследие, памятники, консервация, стратегия.

Key words: cultural heritage, non-material cultural heritage, monuments, conservation, strategy.

XXI в. заявил себя как век глобализации. Наметились определенные сдвиги в области экономики, политики, экологии, культуры. В связи с глобализацией многие специалисты отмечают утрату природного разнообразия, которая повлекла за собой многочисленные изменения. Но если утрата природного многообразия налицо, то утрата культурного многообразия еще пока мало заметна и не привела к катастрофическим последствиям. Однако ее нельзя не заметить. Разнообразие – одна из основ устойчивого развития культуры. Вопрос сохранения культурного наследия в целом и культурного многообразия в частности становится особенно актуальным в современном мире. Фактически общество столкнулось с двойственной ситуацией: с одной стороны, это технический прогресс и все вытекающие из него последствия, связан-